Гризли

Автор:
Галина Чередий

Гризли

Галина Валентиновна Чередий

Любовь без обоснуя #1

Эгоистичная бессердечная зараза с языком, как бритва, не щадящим никого. На первый взгляд. Мрачный грубиян и тупой качок, готовый жестко осадить любого, кто сунется в его жизнь. На первый взгляд. Что между ними? Старый дом «на два хозяина». Внезапно. Взаимная лютая страсть без всякой логики. Сейчас. Созвучная боль. В прошлом. Есть ли любовь и исцеление в будущем? Содержит нецензурную брань.

В оформлении обложки использованы фотографии melis82 с сайта https://ru.depositphotos.com (https://ru.depositphotos.com/) и Schnapps2012 с сайта https://www.shutterstock.com (https://www.shutterstock.com/) по лицензии CC0.

Глава 1

– А ну быстро слезли оттуда, у*бки психованные! – заорал нам с Длинным мент с соседней крыши.

Ссыкун еще совсем, синяя форма мешком на нем тощем, весь покраснел от усердия. И сто пудов от того, что очко сжимается от высоты.

– И что ты сделаешь, если не слезем? – крикнула я в ответ, болтая ногами в пустоте на уровне шестнадцатого этажа.

Мы с другом с комфортом расположились хряпнуть пиваса и покурить на стреле строительного крана.

– Да забей вообще. Поорет и сам собой рассосется, – не глянув даже в сторону потного от страха представителя власти, флегматично заметил Длинный и пустил струю дыма в безоблачное небо. – Погода сегодня – кайф!

– Точно, – согласилась я, прикурила новую сигу и, смачно потянувшись, откинулась на спину, располагаясь с максимальным комфортом, который только возможен на этих обшарпанных железках.

– Сюда пошли! – отдышавшись, снова завопил мент. – Быстро, суки такие!

– Никак не можно, господин начальничек, – ответила я, пуская дымные колечки. – Мы с другом высоты боимся, и спускаться нам страшно. Пусть за нами Супермен прилетит и спасет.

Длинный только поморщился, намекая, что я своим ором нарушаю его типа медитацию. Он всегда забивал на вечно истерящих и откровенно паникующих желающих нас снять с очередной крыши, крана, вышки. Моя же беспредельная язвительность требовала постоянного выхода. Друг утверждал, что если я не скажу кому-то гадость хоть раз в час, то наверняка отравлюсь собственным же ядом. Я бы спорить не стала и проверять причин не видела. Зачем, если всегда найдется под рукой кто-то в качестве жертвы.

– Твари, уроды моральные! Как я вас таких ненавижу! – окончательно вышел из себя юный жандарм.

– Ты бы к психиатру, что ли, походил, – продолжила доставать его я. – Такой молоденький, прям молоко на губах не обсохло, а уже нервы ни к черту. Ой, или это не молоко, а совсем другая телесная жидкость?

– Заткнись, мразь крашеная, и спускайся!

– Я вот в газете недавно читала, что среди вашего жирнозадого начальства полно любителей хорошеньких мальчиков, – гнула свое я. – Смазливая внешность офигеть как помогает по карьерной лестнице продвигаться, учти, а

то так и будешь до старости по крышам лазить!

Длинный покосился на меня с легкой укоризной. Он, конечно, давно уже принял мой поганый характер как есть, безропотно огребал вместе со мной за него, но не понимал, что за черти вечно дергали меня за язык. Да я и сама не понимала. Не слишком и пыталась. Я никому свое общество не навязываю. Кто хочет – жрет какая есть, остальным – дорога на хер всегда без пробок.

– Убью суку к хренам! – зарычал уже совсем пунцовый полицейский. – Убью и скажу, что сами навернулись!

Он еще верещал и верещал, изрыгая на нас многоэтажный мат и всевозможные проклятья, а я, чуток продирижировав, ибо все эти волны ненависти как музыка для меня, тоже забила и взялась прикончить свое пиво.

– Блин, жаль, холодает быстро и ветер поднимается, – вздохнул Длинный. – Пошли?

Горластый исчез с крыши к этому времени, но вполне предсказуемо дожидался нас у подножия крана с целым нарядом.

– Отвлеку, а ты давай в дыру в заборе, – в своей обычной флегматичной манере предложил друг. – А то, если тебя второй раз за неделю заметут, пахан твой взбесится.

Подумаешь, новость. Мой дорогой родитель по отношению ко мне пожизненно пребывал только в двух агрегатных состояниях: полный игнор и бешенство. Большую часть моей жизни, пока была жива мама, обычным было первое. С рождением драгоценного ублюдочного наследника от его новой законной шалавы-жены преобладать стало последнее.

Длинный первым спрыгнул на землю и встал, подняв и широко расставив руки, давая ментам подойти поближе, а потом резко сорвался с места, увлекая их за собой, будто был брошенной служебным собакам палкой. Я же, сиганув с двухметровой высоты, рванула в противоположную сторону. Почти всегда у нас этот фокус срабатывал. Ну как, в процентах семидесяти. Если Антоху и ловили, с него вечно как с гуся вода. Папаня – депутат, и только заслышав его фамилию, парня быстренько выпроваживали из отделений.

Я уже схватилась за доску забора, ограждавшего эту стройплощадку, намереваясь нырнуть в пролом, как прямо между лопаток мне мощно прилетело, вмазывая лицом в деревяшку, и сверху навалилась чья-то пыхтящая туша. Штанга в губе противно звякнула по зубам, во рту стало солоно.

– Попалась, сучка крашеная! – зашипел крикун-неудачник мне в ухо, придавливая так, что затрещали ребра. – П*здец тебе теперь, тварь. Я тебе такое сегодня устрою.

И в качестве аванса он коротко врезал мне по левой почке сзади. Может, я и языкатая, но, к сожалению, не противоударная, так что колени тут же держать отказались, и я зашипела, оседая.

– Нравится? Это только для начала! – торжествующе провещал он, отстраняясь и заламывая руки нарочно гораздо сильнее, чем требовалось для упаковывания меня в наручники. – Знаешь, что с такими борзыми ночью в камерах, бывает, случается? Потом молчаливые и шелковые навсегда становятся и долго ходят в раскорячку.

– Дяденька, да за что? – заныла я противно, якобы беспомощно стараясь заглянуть в его зенки через плечо, благо слезы и так уже текли по лицу ручьем от боли.

– Чтобы знала, как нормальным людям нервы мотать и пасть свою поганую раззевать на них не по делу! Шагай! – Он с чувством пихнул меня в спину, и я, поддавшись инерции, почти пробежала несколько шагов, застыла, балансируя, и, развернувшись на одной ноге вокруг себя, что есть мочи впорола ступней ему в район паха.

Судя по его истошному вою и позе эмбриона на земле и тому, что ногу мне как отрубило, попала как надо.

– Что бы там за веселье сегодня ни намечалось, ты пролетаешь, – фыркнула, кривясь и задыхаясь, и тут же на меня накинулись еще менты.

***

– Миргородская? На выход с вещами! – скомандовал дежурный по отделению, громыхая решеткой. – Как же мне твоя рожа уже примелькалась! Прости господи, ну такой у тебя отец человек уважаемый в городе, а ты оторви и выбрось. Замуж бы, да кто такое чучело возьмет?

– А я и сама не дамся, – ухмыльнулась, похромав на выход.

Антоху отпустили еще час назад, но я знала, что он наверняка торчит у отделения, дожидаясь меня.

– Не дамся… – передразнил меня средних лет дежурный, имени которого я так и не запомнила, несмотря на далеко не первое наше свидание в подобном формате. – Попался бы такой, что бы в бараний рог скрутил, железки эти твои повынимал, краску эту страшнючую смыл, да дрессировал и драл как сидорову козу каждый день, вот и перевоспиталась бы.

– О, а вы-то, оказывается, по Теме загоняетесь? Вот бы не подумала, – в привычной манере огрызнулась я, выходя под ясные, мечущие молнии очи отца родного.

– По чему? – не понял полицейский.

– Ну как же, дрессировать и драть…

– Закрой. Рот! – рявкнул на меня отец, прерывая весьма содержательную беседу, и, дернув за локоть, потянул на выход, не обращая внимания на шипение из-за боли в недавно вывернутом плече. – Пошла!

Не дав даже притормозить возле Антохи, папахен затолкал меня в машину. Я только успела кивнуть другу.

– Что-то ты сегодня долго ехал, предок. Что, никак от своей шлюхи-женушки отойти не мог? Боишься, сопрут такое сокровище?

– Заткнись, Роксана!

– А, нет, ты ж переживаешь, что она сама кого хочешь окучивать кинется, только отвернешься. Понимаю, вполне себе закономерная вероятность, когда в сорок с хером женишься на двадцатилетней общественной давалке!

– Заткнись! – взорвался наконец господин Миргородский. – Закрой свой рот! Не смей оскорблять меня, мою жену и мать моего ребенка!

– Мою мать оскорблять своими отношениями в открытую с этой ты что-то не стеснялся! И куда мы едем?

– Туда, где тебе и место теперь. С меня достаточно.

Он явно рулил не в центр города, в нашу дорогую квартиру в высотке, а куда-то в сторону окраины.

– Интересно, и где же это самое место?

– Там, где нет меня и моей семьи, – отрезал он и дальше на мои вопросы уже не реагировал.

Забив на его молчание, я демонстративно закрыла глаза и привалилась к двери, показывая, что мне на все плевать. Авто резко затормозило, когда я уже всерьез задремала. Распахнув глаза, обнаружила, что остановились мы где-то в частном секторе перед выкрашенными в говняно-коричневый цвет железными воротами.

«Садовая, 22», – гласила вывеска, и это показалось мне знакомым.

– Выметайся! – приказал папахен, разблокировав двери.

– С какой стати?

– Ты тут теперь живешь.

Не собираясь дожидаться, пока среагирую сама, он выскочил из машины, обошел ее и грубо выволок меня из салона. Открыл багажник и выкинул на пыльный асфальт несколько спортивных сумок.

– Твое барахло, – выдернул из кармана связку ключей и швырнул мне в грудь. Еле поймала. – От халупы твоей бабки. Все, больше я о тебе ничего знать не желаю.

Он захлопнул багажник, оставляя меня в полном офигее.

– И что это, блин, значит?

– А то и значит. Никаких больше отмазываний и вытаскивания из ментовок, Роксана. Никаких денег. Зарабатывай сама, хоть на панель выходи, мне плевать.

– Ничего, что ты с дочерью родной говоришь вообще-то? – оскалилась я.

– О родстве забудь. Мамаша твоя меня как лоха развела!

– Да как ты смеешь! – В голове бомбануло, и я, не соображая ничего, кинулась на него с кулаками, сразу схлопотав сильный толчок в грудь, отбросивший меня к забору.

– Смею. Я от тебя достаточно натерпелся. Хорош. Забудь обо мне.

– Да хрен ты угадал! – зло просипела я. – Я прописана в квартире и…

– Уже нет, – ответил он холодно, усаживаясь в машину.

– Да кто бы тебе позволил…

– Деньги и связи, Роксана. Те самые, что до сих пор помогали вытаскивать из дерьма тебя. Но ты этого не заслуживаешь, ты из той породы, кому нравится в нем плавать. Удачи в этом!

Машина медленно покатила прочь, оставляя меня ошарашенной и разбитой стоять посреди улицы с корявым асфальтом. Ноги неожиданно ослабели, и я опустилась на корточки, приваливаясь спиной к шершавой, прогретой солнцем воротине. Только что моя и без того ненормальная жизнь раскололась, вываливая наружу все свое мерзкое нутро, что пока скрывалось за приличным фасадом. Ну и что мне с этим, блин делать?

Мимо прошла бабулька, волоча за собой большую клетчатую сумку на колесиках. Она пристально пялилась на меня с явным неодобрением, и я показала ей сначала проколотый язык, а потом и зубы, как злобная псина. Пробормотав что-то, она перекрестилась и ускорила шаг. Я же мысленно дала себе пинка и поднялась. Отперла калитку одним из ключей и осмотрелась.

М-да, впечатляет. Халупа, она халупа и есть. Даже на приличную дачу для людей нашего круга не потянула бы. Ну хоть сортир с душем не на улице, и то хлеб. Дом представлял собой уродливое прямоугольное строение в один этаж, причем, судя по двум дверям абсолютно разного дизайна на фасаде, был он еще, что называется, «на два хозяина». Одна дверь была стальная, черная, явно новье, да и окна в той половине даже не пластик, а современные деревянные. Вторая же половина пялилась на меня окошками с облупившейся голубой краской, как и дверь, что не выглядела слишком надежной.

Я, уже предчувствуя худшее, потыкала ключами в железную дверь, но тут облом. Зато страшненькая деревянная по соседству открылась на раз, даже без скрипа. Ну здрасти, я приперлась.

Глава 2

– Как насчет в баньку, Яр? – покосился на меня Андрюха. – По коньячку, попаримся, девок попарим?

Он встретил меня в аэропорту после двухнедельной командировки и, закончив отчет по делам насущным за время моего отсутствия на фирме, завел теперь свою любимую песню.

– Не сегодня. Хочу тупо выспаться, – отмахнулся я, и в затекшей шее что-то хрустнуло. Да, явно не молодею.

– На том свете высыпаться будем, мужик. Пока хрен стоит, надо девок жарить часто и со вкусом. Я же тебя знаю, ты все эти две недели ни-ни. Работа – это ж святое.

Так и было. Пока я несу на себе ответственность за чью-либо жизнь, о существовании члена вспоминаю, только чтобы поссать.

– Потом давай. Устал так, что весь скриплю.

– Ну так и давай я эту массажисточку Кристиночку вызову? Она о тебе, кстати, позавчера в сауне спрашивала. Произвел ты на нее, мужик, впечатление своим поленом. Мы тогда прям запереживали, не утрахаешь ли на смерть деваху – так она орала жалостливо.

Друг зашелся в глумливом смехе, а я вяло пошевелил извилинами, припоминая ощущения от того секс-марафона. Да, девочка была что надо, шлюха, конечно, но не из совсем затасканных. И трахать меня себя позволила в полную силу, не церемонясь. Не визжала, как обычно другие «ой, потише!». И кончала, похоже, не притворно. Липла потом, еще выпрашивала, а не сопли со слезами размазывала и клянчила бабосов сверху, за типа ущерб. Можно как-нибудь и еще ее оприходовать… но не сейчас. Не хочу.

– Давай завтра-послезавтра, – зевнул я, предвкушая душ и сон в собственной удобной кровати в компании Шрека.

Покосившись через плечо на переноску с котом, в которой бедолага бомжевал все это время на передержке, тяжко вздохнул. Он ненавидел мои отъезды, каждый раз объявлял голодовку, сильно теряя в весе, и вызверялся потом на меня несколько дней, размахавая когтями-крючьями и кусаясь, стоило только попробовать погладить. Говнюк неблагодарный.

– Дома пожрать нечего, – сказал Андрюхе, и тот затормозил у супермаркета.

Затарившись на пару дней на себя и на кота, я посмотрел на прилавок с пивом, но брать не стал. И так что-то кабанею в последнее время. Никогда дрыщом не был, а сейчас, видно, возраст свое берет, и никакие тренировки не делают меня стройняшкой.

Сильно накрашенная дамочка лет тридцати, начала стрелять в меня густо подведенными глазами и растянула кроваво-красные тонкие губы в кокетливой типа улыбочке. Она и раньше вроде как оказывала мне знаки внимания, как будто и не замечая, что мою вечно мрачную рожу ни разу не осенило и подобием

ответного дружелюбия. Дело не в том, что лично она мне не нравилась чем-то, просто люди в принципе меня бесили. После долгого рабочего пребывания в их среде так особенно.

– Давно вас не было видно, – попробовала она завести разговор. Напрасно. – Уезжали куда?

Я хмуро пялился на движущуюся ленту, закидывая продукты в бумажный пакет, не намереваясь вступать в диалог. На кой?

– Как ваш котик? Не скучал?

– Скучал очень. Злится, – ляпнул, прежде чем успел прикусить язык. Ну что поделать, если Шрек – мое чертово уязвимое место.

Из магазина почти сбежал, чтобы больше говорить не пришлось.

– Последняя возможность передумать, – сообщил мне трындевший по мобиле Андрюха. – Пацаны уже на низком старте. Кристина тоже будет.

– Не хочу, сказал! – огрызнулся я.

– Придурок нелюдимый, – приласкал друг.

– Котяра похотливый, – отмахнулся я.

Увидев свой заборр, я почувствовал, как в теле прямо заранее расслабуха такая разлилась, но стоило открыть дверцу машины, и меня как к месту приморозило.

На моей всегда тихой улице грохотал басами рок, и нос сразу же уловил запах сигаретного дыма.

– Что за нах? – зарычал, вываливаясь из машины.

– Ага, и мне интересно, – выскочил наружу и Андрюха.

Отперев ворота, я убедился, что музон орет в моем дворе. Злобно зыркнув по сторонам, я заметил, что дверь в половину покойной Евгении Титовны открыта настежь, а над МОИМ гамаком особой прочности, изготовленным по спецзаказу, чтобы выдерживать мою стокилограммовую тушу, поднимаются клубы дыма. А на газоне, что я с таким рвением стриг и вычищал, валяются пустые пивные бутылки. Самого устроившего это непотребство смертника видно не было – утонул в складках ткани, в которой я его, пожалуй, и закопаю вместо, мать его, савана.

– Спокойно, Яр… – попытался притормозить меня друг, но я уже попер вперед.

Не церемонясь, пихнул ногой бок гамака, отправляя в полет наглого вторженца, который тот завершил на карачках.

– Какого хера! – завопил звонкий голос, и я обалдело уставился на нечто несуразное, тощее, в коротких джинсовых рваных шортах, обтянувших в таком интересном положении задницу. Такую, что я внезапно почувствовал себя обалдевшим еще больше от странного импульса внутри. Хотя чего уж тут странного, чай не мальчик вчерашний не понять. Вот только…

Нечто, оказавшееся девчонкой с чудовищным черно-красным безобразием на башке и пирсингом, похоже, везде где можно, вскочило на ноги, держась за бок, и злобно уставилось на меня кошачьими наглыми зенками. Кошачьими, потому что были точно как у Шрека – золотисто-зеленые, да еще и подведены к вискам толстыми чернющими стрелками.

– Какого ты сюда заперлась?! – зарычал я на нее.

– Да ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывалась? – встала в стойку она, изумив еще больше. Я даже оглянулся на Андрюху.

Тот, нисколько не стесняясь, шарил по девке сальным взглядом с головы до ног и чуть не облизывался. Ну есть на что глянуть – сиськи вон ничего так, причем, судя по всему, под майкой лифчика нет. Но она что, на всю голову больная: дерзить, когда в самой килограмм пятьдесят от силы, а перед ней два мрачных бугая стоят под сотню?

– Я здесь хозяин, а ты прямо сейчас берешь и сваливаешь отсюда. Я здесь шалав всяких малолетних не привечаю!

– Сваливаешь отсюда как раз ты! – и не подумав испугаться, выпрямилась нахалка, выпячивая грудь так, что ее соски буквально уставились на меня, будто были пистолетными стволами, готовыми отстрелить мне что-нибудь. Например, мой тупой член, что с буйволиным упорством сейчас пер вверх. – Потому как конкретно здесь, – она указала себе под ноги, – хозяйка как раз я.

В моей башке что-то мелькнуло. По факту, да, мы сейчас стояли на половине двора, раньше принадлежавшего моей пожилой соседке. Но ее уже год как нет, и я давно для себя решил, что выкуплю и часть дома, и землю у наследников, только они нарисуются. Но они уже сколько месяцев не объявлялись, и я привык по умолчанию считать тут все своим. И отступать от этого не намерен.

– Документы покажи!

– А больше ничего не показать? – фыркнула крашеная зараза, презрительно поджав полную нижнюю губу с серебряной каплей в ней. В ширинке стало откровенно тесно. Какого лешего вообще? Ты сдурел?

– Мне можешь показать все, детка. Я совершенно не против, – отморозился ни к месту Андрюха, выплывая из-за моей спины и вызывая острое желание дать ему по брюху с локтя. – Познакомимся поближе?

– С правой рукой своей ближе знакомьтесь, бугаи! – мигом отбрила патлатая засранка. – С вашими рожами только она с вами общаться и будет рада!

– Языкатая, да? – хоть Андрюха продолжал улыбаться, я прекрасно уловил опасные нотки в его голосе. – А как насчет применить язычок с большей пользой?

– Пошел… – начала девка, но я перебил. Достала.

– Да ты внимательно глянь, мужик, – вложил я в свой тон все возможное пренебрежение и максимальную угрозу, – такая для твоих целей не годится, хозяйство по лобок оттяпает, а если и отсосет, то ты будешь этот минет до

конца жизни в кошмарах вспоминать. Слушай сюда, погремушка! Барахло свое собираешь, документы готовишь, и завтра же едем все на меня оформлять. Заплачу, сколько скажешь, и чтобы я тебя тут больше никогда не видел. Усекла?

Здоровенные мужики чуть не делали под себя, когда я говорил с ними так, но на лице крашеного мелкого чудовища не дрогнул ни единый мускул. Медленно, прямо-таки проезжаясь по моим нервам, а заодно и долбанувшемуся с какого-то перепугу члену, она приподняла одну проколотую в двух местах бровь и так же неторопливо показала средний палец.

– Это МОЙ дом, и хрен ты его получишь, – произнесла она и, спокойно развернувшись, пошла к крыльцу, развратно покачивая бедрами.

– Посмотрим! – рявкнул я ей вслед.

– Ага, давай. Очки купи еще для зрения, чай не юноша уже, – фыркнула гадина через плечо. – И кстати, если бы я снизошла до того, чтобы отсосать тебе, ты бы кончал без рук до конца жизни, только вспомнив. Но этому никогда не бывать, так что пойди и удавись с горя!

Поднявшись по ступенькам, она шарахнула дверью, ставя точку.

– Я ее трахну, – прохрипел рядом Андрюха, вытирая пот со лба. – Хоть как, но трахну.

– Свали, а то вломлю! – вызверился я на него и помчался к машине за котом и хавкой.

Глава 3

Неделю я прожила в бабкиной хате вполне себе спокойно и даже начала находить плюсы в самостоятельном существовании. Внутри все оказалось не так уныло, как снаружи. Мебель, само собой, не новомодная, но и не хлам. Бомжатней заброшенной не пахло, правда, слой пыли изрядный имелся. Порядки самостоятельно наводить я была по жизни не приучена, но и дышать этой

дрянью как-то не в кайф. Поэтому я нашла гениальное в своей простоте решение. Позвонила Длинному и пригласила на, мать его, новоселье, намекнув прихватить кого-нибудь похозяйственнее из млеющих по нему поклонниц. У него их по новой на каждый день недели и месяца, особенно среди первокурсниц наивных. Он у нас коллекционер в прямом смысле этого слова. И скотина, конечно, та еще и не особенно шифруется. Умная девка с ним не свяжется, я не в счет, у нас свои давние отношения, в мире именующиеся «дружба с привилегиями». А тех дурочек, что, зная о его репутации, тем не менее под него ложились, питая надежды на что-то серьезное, мне никогда жаль не было. И даже если не знали, все равно глаза должны быть не на жопе, и уши с мозгами на своем месте. Он же никогда и не пытался скрывать пренебрежительно-циничного подтекста, когда уламывал очередную. Откровенно пользовался громкой фамилией, не жмотился, угощал, пыль в глаза пускал. Всем и всегда говорил одни и те же затасканные комплименты, причем таким тоном, что мне иногда ржать в голос хотелось. Таким скучающе-ленивым, будто за каждым словом стояло «ну давай уже или место освободи – желающих хватает». Короче, козлище эпичный, но они все же под него сами лезли. И так тупо потом глазами лупали, когда он их выпроваживал, переключаясь на следующую цель. Эти его «прелесть моя», «цветочек» и «котеночек»… фу-у-у, отстой галимый!

– Блин, я еле нашел это захолустье! – вывалился Длинный из своей тачки, осматриваясь во дворе. – Плутал черт-те сколько. От центра далековато, конечно.

– Еще не в курсе, – ответила я, хлопая его по подставленной ладони и кивая его эскорту. – Привез, чё просила?

Я еще не покидала двор, отложив ориентировку на местности на потом.

– А как же! И пивас, и дунуть, и пожрать. И все эти хозяйственные прибамбасы. Мне вон Наташа с этим помогла.

– Я Надя, – краснея щеками, поправила девушка, и у меня во рту стало кисло.

Бля, парень заставил тебя бегать по магазину, выбирая всякую бытовую фигню, привез черт-те куда, собирается использовать как дармовую рабсилу, потом еще и поиметь, но не сподобился даже имени запомнить. Я бы рожу ему этой сраной складной шваброй за такое разбила и, уходя, в задницу ее затолкала, а эта

стоит, краснеет, глазками пусто-голубыми хлопает, вся из себя «чем тебе угодить». Вот где их таких делают, да еще и массово?

– Сука ты, – шепнула другу. – Когда уже изменишься?

– А чего мне меняться, пока таких вон стада вокруг пасутся, – тихо ответил он с циничной ухмылкой и продолжил громко: – Ну чё стоим, други мои? Выгружаемся и вперед – веселиться.

Мы живо перетаскали в дом все покупки, забили недавно включенный мною холодильник, и я повела их показывать «апартаменты». Хоромы бабки состояли из светлой кухни с большим количеством окон, гостиной квадратов на двадцать и спальни с кроватью полуторкой. Опять же санузел, совмещенный, но приличный. Правда, водогрей был тут газовый, и как к нему подступиться, я еще не поняла. Вот когда плиту зажигала, пыхнуло так, что сердце в горло скакнуло. В отцовской квартире-то все было на электричестве.

– Цветы жалко, – пискнула где-то за нашими спинами Надя, и я, оглянувшись, действительно только сейчас заметила множество горшков по подоконникам с засохшими безнадежно растениями.

– Да хрен с ними, в любом случае я понятия не имею, что с ними делать, – отмахнулась я. – Выкинем – и вся недолга.

– Ну, в принципе, не так все и катастрофично, – вздохнул друг, обводя все критичным взглядом. – Не фонтан, но пожить можно, пока твой пахан не остынет. Считай, ты типа в походе.

– Не остынет. Уже никогда, похоже. Я тут застряла.

– Вы шутите? – удивленно спросила гостья. – Тут здорово. Вон потолки какие высокие, и окна большие. Нужно все отмыть, и красота будет.

У меня аж язык зачесался ляпнуть какую-нибудь гадость этой восторженной дурочке, но я его прикусила. Обидится еще, а мне самой все тут мыть не улыбалось ни разу. Само собой, если выросла в избе в Мухосранске, то и здесь тебе хоромы.

– Ну вот и приступай, мы подключимся попозже, – подмигнул ей Антоха. Брехло. Он отродясь небось мокрой тряпки в руках не держал, как и я, собственно. – Пошли перекурим, что ли?

– А двор вроде не запущенный, – сказал он на крыльце, прикуривая. – Гамак вон даже, да и трава не по пояс. Бабка-то давно того?

– Год вроде, – пожала я плечами, глубоко затягиваясь и присаживаясь на ступеньку.

– Вроде… Совсем не общались, что ли?

– Ты же все обо мне знаешь. Слыхал хоть что-то о бабке? Они с мамой вроде как погавкались сильно, еще года три мне было. Вот и не общались больше.

– Сильно, однако. А с отцом что?

– Он мне не отец, выходит, – сглотнув горечь и скрипнув зубами, досмалила сигу до фильтра в два затяга.

– Гонишь?

– Не-а. Сам сказал, когда высадку на Луне мне тут устраивал.

– Охереть. И что теперь?

– А что теперь? Новая, бля, жизнь, самостоятельное плавание по бурным волнам взрослой жизни и прочая херня в этом духе. Общаться со мной, нищей, теперь не перестанешь?

– Дура совсем? – Он несильно хлопнул ладонью по моему затылку, но тут же огладил и привлек к себе за плечи. – Слушай, Рокси… может, это… ну ее нах эту Наташу?

– Надю.

Я стряхнула его клешню, скривившись. Знает ведь, что всех этих обнимашек терпеть не могу!

– Да поровну. Давай я ей тачку вызову, а мы нажремся от души, дунем и забудем все печали? Ты же знаешь, я всегда для тебя готов.

Когда-то мы с Длинным мутили, и я в курсе так-то, что погоняло ему дали совсем не за рост. В постели он был, в принципе, не плох, но больно уж нежничал. Короче, как-то у нас не срослось в качестве любовников, но вот друзьями мы стали. Бывало, по пьяни или под кайфом повторяли прежний опыт, черт знает и почему. Просто так. Чтобы, видно, в очередной раз убедиться, что в постели друг для друга не то. Он, вполне себе циник и бабник по жизни, в моменты близости начинал сюсюкать, долго запрягал, был любителем неторопливо поласкаться – ну чисто котик. То, что надо этим всем соблазняемым им наивняшкам, но не для бешеной меня. Терпеть я не могу вот эти шепотки, поцелуйчики, «так хорошо?» Я трахаюсь, а не любовью занимаюсь. И этим все сказано. Мне нужно, чтобы башню рвало от того, что мужик объезжает меня. Чтобы поблажек ни ему, ни мне никаких. Если не справляется, не тянет меня – пошел на хер. Задавалась я частенько вопросом, что со мной не так. Почему мне пресно, так как всем нормально. Почему никогда, даже девчонкой сопливой, не желала всей это романтичной лабуды: обнимашек, целовашек, томных вздохов и хождений за ручки. Никакой близости за сиюминутными пределами секса. А потом забила. Как сказал тот же Длинный: «Да все с тобой нормально, это мужики не на твой вкус просто. Одним сладко надо, а тебе остро, чтобы аж полыхало. Каждому свое».

– Не, мы однозначно прибухнем и дунем, но готовность ты свою сегодня на Надю направь. Все равно у нас все через жопу с тобой.

Да, напиться, обдолбаться и использовать кого-нибудь для секса ради обретения подобия собственного душевного равновесия, пусть и с мерзким душком вечного разочарования, – это как раз про меня. Но сегодня на последнее как раз не тянуло, уж не на трезвую пока голову точно. А там…. как пойдет.

– Вот, кстати, этого у меня что-то давно не было. У тебя смазка не завалялась?

– Да иди ты! – ткнула я его кулаком в плечо и пошла в дом за пивом.

Надя оказалась настоящим чудом: выдраила дом сама, я ей больше мешала, прикидываясь помогающей, не орала ночью под Длинным и с утра испарилась бесшумно. А я, оклемавшись и проводив друга, выползла на улицу и взялась бродить вокруг дома, заканчивая осмотр. В соседские окна заглядывать тоже не стеснялась. Судя по всему, именно мои отсутствующие соседи и содержали двор в пристойном виде. Знать бы еще, кто они. Благообразное семейство, что держит домик на зеленой окраине в качестве дачи на выходные и лето? Тогда почему их сейчас нет? На их половине стоял капитальный запертый гараж, имелся турник, и на ветке одного из больших деревьев была подвешена здоровенная боксерская груша. Надо же, тут у нас, мать их, спортсмены. На крыльце нашлась кошачья миска, и я скривилась. Терпеть не могу этих мохнатых тварей, даже если у них и нет волос, как у мерзкого котяры новой стервы жены господина Миргородского. Надеюсь, животина с сопредельной территории ко мне не сунется, а то получит хорошего пинка. Церемониться не буду.

На моей половине за домом сверкала чуть помутневшим поликарбонатом теплица, метров восемь длиной, сейчас пустующая. Вокруг куча розовых колючих кустов. Бабуля у меня садовница и огородница была, да? Подтверждение этому я нашла, обнаружив в полу кухни люк в подпол с кучей всякой домашней консервации. Запыленные баночки с помидорами разных цветов, крошечными огурчиками, компотами и прочей подобной хренью выглядели вполне съедобными. Надо попробовать, авось не травануcь.

В следующие дни я таки изучила окрестности, нашла пару магазинов. Один обычный ларек в паре кварталов от моего нового жилища, второй – большой супермаркет на границе этого окраинного одноэтажного захолустья. Там же была и автобусная остановка. Купив несколько газет с объявлениями, вернулась обратно, столкнувшись по дороге с местным младым аборигеном. Он чуть не сшиб меня, вылетев на своем мотоцикле из-за поворота, резко развернулся, оставляя черный след от покрышек, и пялился мне вслед, пока не схлопотал демонстрацию среднего пальца. Еще через день взялась от безделья счищать старую краску с входной двери и оконных рам, когда уставала мониторить объявления о трудоустройстве. Деньги еще были, но они-то не бесконечные. Антоха навещал меня, само собой, и каждый раз снабжал всем необходимым, то бишь полуфабрикатами и пивом с куревом, но надо же как-то и самой шевелиться. Привыкать, что старой беззаботной жизни конец, учитывая, что отец… пардон, господин Миргородский ни разу не позвонил мне. Хотя и сделай он это – послала бы без раздумий. Не после того, что он сказал о матери, что столько лет терпела его наглое бл*дство.

Ухарившись в очередной раз на жаре и исколов все пальцы острыми осколками твердой, как долбаное стекло, краски, я завалилась в гамак охладиться и перекурить и никак не ожидала подставы в виде пинка в бок от какого-то оборзевшего в край бычары, что сходу начал еще и орать на меня, требуя убираться, а потом и доки на дом.

Опомнившись от первоначального офигея, я стала огрызаться в привычной мне манере. И похрен мне, что быков этих оказалось двое. Лысые оба, здоровые, рожи страшные уголовные. Такие ночью приснятся – до сортира не донесешь. Хотя тот, что на меня бросался как гребаный питбуль, поздоровее второго будет. Широченный хрячище, мышцы буграми, белки в глазах красные, как с бодунища, зыркает ими, будто уже расчленяет, и скалится – ну чисто зверюга! А второй чё-то там еще вякал, казанова убогий, бля!

Только влетев в дом и захлопнув дверь, я поняла, что, похоже, нарвалась по полной. Это, выходит, мой соседушка, о личности которого я гадала. Вот это свезло с такой рожей уголовной рядом жить, ничего не скажешь. Как тебя так угораздило, бабуля? Половину ему сходу продай, как же! Да отсосешь ты, медведина психованная, не на ту нарвался. Не нравлюсь в качестве соседки – сам съезжай! Я теперь за эту халупу зубами держаться буду!

Поостыв, я позвонила Антохе и рассказала о своем «везении», и он тут же предложил перекантоваться у него. Но хрен там! Сбегу сейчас, и этот гризли бешеный решит, что напугал меня и победил? Напугал. Я же хоть и с отбитой башкой, но зачатки нормальных инстинктов имею. Но поддаваться страху я не собираюсь. В крови закипел адреналин, точно как при подъеме на какую-нибудь особенно опасную высотку, и я, сделав музон погромче, завалилась на диван в гостиной шарить по объявлениям в сети. Но буквы сливались, смысл ускользал, а перед глазами так и стояла небритая злобная рожа с прямо классической квадратной челюстью и сверкающими яростью зенками. У меня аж по всему телу волоски дыбом так и стояли, и плечи то и дело передергивало от зябких мурашек, никак не желавших перестать носиться вверх и вниз по спине. И мне ли не знать, что такое совсем не признак моего страха. Сраный сосед-гризли взбесил меня знатно, а такое я спускать за так не умею. Разум чё-то там вякнул, что умнее и правда было бы, наверное, принять приглашение Антохи и, может, подкатить к его папаше, пожалиться, что притесняют-обижают. Больно уж злобной скотиной выглядел соседушка. Да и тут мне, что серьезно прям дом родимый, ни шагу назад, ни сантиметра земли вражине? Хочет купить, так заломить цену, чтобы на однушку в центре хватило…

Ни-хре-на! Он меня пнул, как псину какую-то, орал, оскорбил. И теперь, пока я его поганой кровушки за это не хлебну, никакой пощады и мировой не бывать!

Глава 4

– О, смотрю, у тебя прям с самого ранья веселье? – хохотнул Андрюха, вваливаясь в девять ноль три в мою кухню. Откуда такая точность во времени? Да оттуда, что ровно в девять ноль-ноль, секунда в секунду, за стеной опять загрохотал рок.

Бедолага Шрек, спокойно наворачивавший свой завтрак, аж подпрыгнул, испуганно заозиравшись. Вчера эта акустическая атака закончилась с не меньшей точностью – в двадцать два пятьдесят девять. Патлатая засранка явно издевалась надо мной. И пусть только полный дурак и чмо станет воевать с бабой, да еще и ссыкухой какой-то, но моя душа отчаянно жаждала возмездия. А еще – чтобы она убралась с моей территории, откуда приперлась, и следов даже после себя не оставила.

– Ты, как всегда, приветлив, – продолжил зубоскалить друг. – Кофею хочу, да и пожрать бы чего.

– Что ж тебя дома-то не накормили? – буркнул я, наливая ведерную кружку кофе и начиная строгать бутеры.

– А я там был? Я, вообще-то, аки пчелка, по твоему господскому повелению инфу рыл на эту твою экзотическую живность за стеной.

Ага, чисто по моему, конечно, а не потому что самого вчера на этой погремушке языкатой аж перемкнуло слегка. Слюной давился… он. О том, что сам я после нашего столкновения битый час торчал под душем и с ненавистью пялился на свой дубовый стояк, приказывая прекратить к херам это безобразие, пока не сдался и не передернул, едва со злости член себе не оторвав, кому-либо знать не обязательно. Как и о том, что еще дважды за ночь просыпался и одеяло гребаной палаткой торчало. На что там стоять? На безобразие это нечесаное черно-красное? На шорты драные? На железки везде понатыканные?

– Ты, кстати, заметил, что у нее и в языке финтифлюшка эта… как его бишь… пирсинг?

– Оно мне надо было рассматривать? Что нарыл, говори!

– Я слышал, что минет с этим пирсингом – вообще улет, – продолжил гнуть свое Андрюха, мечтательно уставившись в стену, за которой грохотало. – Когда девка ею уздечку натирает, башка отрывается.

Ну спасибо тебе, дружище, за эту, бл*дь, бесценную информацию. Мне-то и без нее яйца со вчера узлами скручивает. Надо было поехать в эту чертову баню, отодрать Кристину, и тогда бы вот такого бардака в башке не приключилось. Две недели без секса не такой уж и срок, но, похоже, я раньше времени приблизился к возрасту, когда «седина в бороду, бес в ребро». И настиг он меня внезапно, вместе с появлением этой адовой лазутчицы на моей земле.

– Ты о чем-то кроме *бли думать в состоянии? – вышел я из себя, швыряя нож в раковину.

– Я мультизадачный, Яр. А ты реально психованный последнее время. А все почему? От недое…

– Хорош, а! По делу давай!

– Значит, по делу. – Андрюха расположился с кружкой и закуской у окна, не скрываясь выглядывая мою геморройную соседку. Отчего-то дико хотелось за это съездить ему по затылку. – Зовут нашу языкатенькую – Миргородская Роксана Леонидовна. Двадцать три года. Послужной список в виде приводов в ментовку отсюда и до центра длиной. В основном всякое мелкое хулиганство, вторжение на закрытые территории, аварийные объекты. И задержание в нетрезвом виде, беспорядки – куда же без этого. Чаще всего попадала в обезьянник с неким Антоном Кавериным.

– Трахарь ее? – Челюсть отчего-то свело судорогой.

– Вот тут сведений нет, но эти двое, как понимаю, постоянно не разлей вода. Хотя Каверин этот – депутатский сынок, и о нем слава идет как о том еще

ловеласе. Был момент, какая-то деваха провинциальная его даже в изнасиловании обвинила, но все быстро затухло. Вылезло, что она таким образом или замуж удачно метила, или просто бабла хотела, но больно болтлива оказалась, и поэтому пролетела по всем пунктам.

– Миргородская… не родня этому юристу раскрученному, что засветился в том деле с черными риэлторами?

– Дочь родная. До недавнего – единственная. Пару лет назад господин Миргородский женился на юной прелестнице, младше самой Роксаны, и она произвела на свет ему сына.

– Двадцать три, значит, – пожевал я губу. – Я думал, вообще лет семнадцать.

Да, думал ты, и ни в одном глазу бесстыжем совести, когда позволил себе дрочить в душе на малолетку, представляя, как вколачиваешь ее безбожно в кафельную стену. Сжать тонкие, как спички, запястья с этими дурацкими кожаными ремешочками в узелках одной рукой, вытянуть, чтобы на носочках стояла, едва пальцами пола касаясь, и засаживать до искр из глаз у обоих, кусая затылок и острые плечи.

Да что же это, на хрен, такое!

– Мать кто у нее? – прохрипел, едва протолкнув в глотку разом полкружки обжигающего напитка.

– О, мать там была дама весьма колоритная и широко известная в определенных кругах, – ухмыльнулся Боев.

– В смысле?

– Ольшанская Вероника Андреевна, скульптор, талантливая художница, по имеющимся отзывам, но также и весьма скандальная личность. По слухам, придерживалась полной свободы нравов, и при живом муже меняла любовников, как перчатки, и ни от кого не скрывалась. Умерла от сердечной недостаточности, по официальной версии, но по секрету мне шепнули, что дело там было в передозе всякими средствами… ну, скажем для расширения

сознания.

– Хм-м… Тупо наркотой.

– Выходит, так. Но отец ее был из весьма уважаемого и статусного семейства, так что сердце было слабое, ага.

Мы с покойной Евгенией Титовной прожили тихо-мирно через стенку больше пяти лет, после того, как я купил свою половину, и я, бывало, спрашивал ее о родне. Она всегда утверждала, что те живут далеко, за границей, что ли, и поэтому навещать ее часто не могут. Хотя я их вообще ни разу не видел. Хороши родственнички, жили, считай, рядом, а к старушке никто и носа не казал, зато теперь приперлась эта наследница хамовитая. Короче, мое намерение прежнее: избавится от такой соседушки – и делу конец.

– Ты телефон Миргородского мне не раздобудешь?

Внезапно рокер за стеной заткнулся на полуслове.

– Обижаешь, мы свою работу знаем! – Андрюха кинул на стол передо мной визитку и вдруг весь подобрался. – Вышла! Намылилась куда-то, похоже. Слушай, дружище, я побегу, ага? Мало ли, может, без твоей мрачной рожи на периферии я ее и подцеплю.

И он, не дожидаясь моего ответа, бросил все недопитым и недоеденным и ломанулся к двери. Ну-ну, смотри, чтобы не подцепил от этой заразы такого, чего ни один венеролог не вылечит. Хотя к такой ни одна инфекция, небось, не прилипнет. Сдохнет от яда еще на дальних подступах.

Пирсинг в языке… Да етить-колотить!

Забрав у Шрека пустую тарелку, я выполоскал ее и остальную посуду и взял картонный прямоугольник со стола. Пусть себе озабоченный Андрюха бегает за этой погремушкой, высунув язык, а я займусь вопросом ее выселения к чертям.

– Господин Миргородский? Добрый день, Ярослав Камнев вас беспокоит.

– Камнев? – после недолгой паузы переспросила трубка. – Что-то знакомое, но не припомню… По какому вопросу?

– Половина дома по Садовой двадцать два, принадлежавшая раньше Ольшанской Евгении Титовне, – не стал ходить вокруг да около я.

На этот раз молчание продлилось дольше, и я буквально уловил повисшее в эфире напряжение.

– И? Что с ним?

– Я бы хотел приобрести ее. Как можно быстрее.

– Ну так приобретайте, я-то тут при чем? – мой собеседник явно начал раздражаться.

– Разве на данный момент туда вселилась не ваша дочь? Меня она в качестве соседки категорически не устраивает. Меня вообще никакие соседи не устраивают.

– Миргородская Роксана действительно вселилась туда неделю назад, так как сие жилое помещение является доставшейся ей по наследству собственностью, – стал прямо-таки чеканить слова юрист. – И меня совершенно не касается, устраивает она вас или кого-то еще в любом качестве. Ни по каким вопросам, связанным с данной особой, ко мне прошу впредь не обращаться. Не хотите соседствовать с ней – делайте что вздумается. Я сейчас вас вспомнил, Камнев. Вы ведь раньше работали в уголовке, в отделе убийств, так? Неужели у бывшего мента с хорошими связями не найдется методов, чтобы избавиться от одной взбалмошной невыносимой девчонки?

– Вы на что это намекаете? – охренел я от поворота этой беседы. Папаша-то у гадючки крашеной, очевидно, тот еще подарок. Совсем достать его умудрилась?

Но даже если и так, как можно говорить подобные вещи, по сути, отрекаться, демонстрировать, что девчонка без защиты семьи, чуть не подстрекать меня на дурное? Откуда ему знать, может, я совсем без башни? Кто так со своей родней поступает вообще?

– Ни на что не намекаю. Прямо заявляю, что никоим образом участвовать в судьбе Роксаны и интересоваться чем-либо с ней происходящим не намерен. Всего хорошего, удачи в начинаниях и прощайте, надеюсь!

Говнюк оборвал связь, а я шокированно уставился на кота.

– Это ж надо, а? Повезло нашей погремушке с семейкой.

Глава 5

– Рокси! Дуй в темпе в центр, или давай я за тобой подскочу! – пробился сквозь орущую музыку возбужденный голос Длинного.

– А что за срочность? – Я на ходу стала натягивать джинсы. Что бы там ни затеял Антоха, я всегда только «за».

– Я нам работу нашел! – радостно проорал он, и я зависла.

– В смысле – нам? С каких пор ты работать собрался?

– Вот как тебя с этим прижало, так и собрался.

– Твой предок будет против. – Отец Антохи действительно полагал, что сын должен для начала получить достойное образование, а потом уже все остальное.

Меня он, конечно, считал отвлекающим и сбивающим отпрыска с пути истинного фактором, к тому же содействующим постоянному ущербу репутации, но за годы нашей дружбы смирился как с неизбежным злом.

– Я ему прогнал, что это только на лето… да не парься ты! Лучше спроси, что за работа!

– И что? – Я вырубила наконец притарабаненный Антохой музыкальный центр и, нацепив на одно плечо легкую куртку, выскочила на крыльцо, не забыв, однако, сначала выглянуть с опаской на предмет присутствия во дворе бешеного гризли.

– На новую радиостанцию набирают диджеев! И у нас с тобой есть шанс туда воткнуться. Через час собеседование и прослушивание начинается. Так что в темпе!

– Да я же… блин, у меня опыта никакого… – растерялась я.

– Да у кого он есть-то?! Катька мне сказала, главное – в музле разбираться, внятно прогноз погоды читать и в перерывах между треками трещать прикольно. Все про тебя, Рокси! Или хочешь пойти утюги-сковородки продавать?

Нет, ничего такое меня не воодушевляло, а другого в объявлениях пока не попадалось.

В спину практически шибануло мощным басом гудка, от которого я взвилась в воздух.

– Ты охерел совсем! – с разворота заорала я на скалящегося сквозь лобовое стекло темно-синей бэхи лысого номер два.

– Кто там? – встревожился Антоха.

– Никто, блин. Казанова свинообразный, вот кто! – рявкнула в гостеприимно открытую дверь тачки.

Лысый бугай оскалился еще шире, поигрывая светлыми бровями, и уже раззявил свою пасть, наверняка намереваясь сразить меня своим говнокрасноречием, но тут с нами поравнялся давешний абориген на байке. Показав подержанному пикаперу средний палец, я с нахальной рожей подлетела к парню и вскочила в седло мотоцикла сзади.

– В центр, плиз! – сказала с лучезарной улыбкой офигевшему местному байкеру и обняла его со спины, как родного, приникнув грудью к не слишком широкой спине.

Видно, под впечатлением от моей наглости, а может, и от того бешенства, что мигом перекосило морду бритого громилы, мой неожиданный извозчик втопил с места так, что я чуть не опрокинулась.

– Комар! – представился мне парень, когда мы притормозили перед светофором.

– Рокси. – Я присмотрелась к нему повнимательнее.

Ничего так, молодой, правда, совсем, лет восемнадцать. Сто процентов по нему осенний призыв уже плачет.

– Куда в центре? – решил уточнить он, и я на ходу отстучала Длинному эсэмэс, спрашивая адрес.

– А ты теперь у нас на районе живешь? – последовал новый раунд общения на очередном перекрестке на красный свет.

– Да. – К сожалению.

Болтать с ним я не слишком-то хотела, но внезапно посетила светлая мысль, что наличие собственных колес делает этого Комара вполне полезным.

– Одна живешь?

– Если ты про то, есть ли у меня парень, то можешь сразу начинать выдвигать свою кандидатуру, ибо его нет.

И умолчим, что не будет. Пускай себе парниша верит в лучшее и трудится на неблагодарном поприще поражения меня в самое черствое сердце.

Секунду понадобилось Комару, чтобы переварить сказанное мной. Он даже зеванул включение зеленого, а потом мигом весь вспыхнул, уши вон аж пунцовые стали. Говорю же – молодой и наивный.

Мы подкатили к месту, где у столба перед офисной высоткой нетерпеливо топтался Длинный, пуская в небо облака сигаретного дыма.

– Ну наконец-то! – обрадовался он, а вот бедолага Комар помрачнел лицом.

Он мне еще, вероятно, пригодится, так что я решила развеять пока его печаль.

– Мой лучший друг – Длинный, он же Антон, – представила я их, слезая с байка. – Мой, возможно, новый друг – Комар.

Парни пожали друг другу руки, и я, поблагодарив своего водителя-спасителя от приставаний лысого пикапера не первой свежести, хотела уже уйти, как он схватил меня за рукав куртки.

– Рокси… ты… это… – Боже, не блей уже давай! Мужик ты в перспективе или где? – Когда назад? В смысле, я могу подождать и подвезти.

– Слушай, я пока не знаю. Тут как пойдет. И меня вон Антоха подвезет. Но если что, я на Садовой живу.

– Я знаю. – Да сколько же можно краснеть-то и глазками асфальт ковырять, не девица же ты застенчивая в самом-то деле! – Вечерком подкачу?

– Ага.

– Покатаемся?

– А как же!

– Это что еще за новая блажь? – фыркнул Антоха, когда мы поднимались в лифте. – Я уже думал, у него самовоспламенение на месте случится. Он тебе зачем?

– За надом. Вон возить будет и вообще…

Сто пудов моему соседушке такой вот гость у меня не понравится. А все, что не нравится ему, по умолчанию нравится мне. А если гризли будет пофиг, то мне избавиться от этого Комара – раз в ладоши хлопнуть.

– Ясно, игрушка новая, – Длинный посмотрел в стену и выдал: – Не одобряю.

– Ч… что-о-о? – Я даже воздухом поперхнулась.

Никогда, с самых истоков нашей дружбы, мне не случалось услышать от него подобное. Антоха просто априори всегда был за все то, что бы я ни творила, как и я поддерживала все его замутки. Максимум, что мы могли себе позволить, – высказать разумные сомнения, озвучить риски там. Но чтобы давать хоть какую-то оценку любому безумству друг друга, одобрять или нет…

– Я сказал, что не одобряю этого.

– Чего, блин?

– Изначально – самой твоей идеи упереться и остаться жить в этом сарае с психованным соседом.

– Ну, допустим, мало найдется соседей, психованней меня.

– Рокси, он – здоровый мужик, да и дружки у него, ты сказала…

– Один. Один дружок, который пытается ко мне типа подкатывать.

– Ты живешь одна. Хрупкая девушка, с языком, что притягивает проблемы для твоей задницы. И так-то плохой расклад, а теперь еще и этот юноша, краснеющий щеками и глядящий на тебя с дыханьем, спертым в зобу. Знаешь, что может с тобой сделать этот околоуголовный воздыхатель, когда его задолбает подкатывать к тебе по-хорошему? А как может вымкнуть этого пацана, когда он поймет, что ты им просто игралась? Думаешь, он благородно пожелает тебе счастья и отойдет в сторонку? Парни нынче куда как мстительней и изобретательней, чем дуры-телки. А ты, повторюсь, теперь живешь одна. Никакой защиты.

– Господи, Длинный, ну нах ты меня накручиваешь? Сто тыщ миллионов женщин живут одни, и с ними ничего не случается.

– Они – не ты.

– То есть не ищут постоянно неприятности на свою жо…

– То есть мне нет ни до кого из них дела. Перебирайся ко мне. Пока хотя бы. Потом разберемся.

– Я подумаю.

Из офиса новой радиостанции с пафосным названием «Голос поколения» мы с другом вывалились через пару часов, перепрыгивая толстые жгуты проводов и обходя рабочих, практически официально трудоустроенными личностями. Новое ощущение для меня, однако. Та самая Катерина, которая проводила с нами прослушивание, не была слишком уж довольна тем, что нас ей, по сути, навязали по знакомству, но смирилась и велела тщательно работать над дикцией.

– В интернете есть видео-уроки, или наймите, что ли, преподавателя, – проворчала она. – До официального открытия две недели, время есть поднатаскаться. Надеюсь, вы не совсем безнадежные и не совершенно безответственные.

– Ну что, давай ответственно обмоем это дело? – довольно ухмыляясь, предложил Длинный. – Заваливаемся ко мне?

Возражать я не стала, и вскоре мы уже обосновались на его сверкающей хромом и стальной посудой кухне, на предпоследнем этаже недавно достроенной высотки. Отец придарил Антохе эту двушку примерно месяц назад, и заказанная где-то в Европе мебель еще не прибыла, так что обставлена и укомплектована была только она. В гостиной имелись лишь хаотично разбросанные кресла-мешки вырви глаз красного цвета, телек на полстены и колонки с меня ростом. В спальне – надувной матрас.

– Блин, я бы все так и оставил, – заметил насчет обстановки друг. – Меня все устраивает. Но мама против.

– То есть спальное место у нас с тобой на сегодня одно?

– А когда это было проблемой, Рокси?

Черт знает… С того разговора в лифте я ощущала внутри странное напряжение. И сейчас оно возросло, учитывая, что взгляд Антохи не особенно-то и скрывал, что он опять собирается поднять вопрос о быстром переходе сегодня нашего веселья в горизонтальную плоскость. Эта его настойчивость начинала раздражать. Что, блин, с ним такое?

– А если к тебе заглянет какая-нибудь очередная Надя, мне в кресле спать? – попыталась я все перевести в шутку, закидываясь роллом.

– О! О Наде! Она меня тогда продинамила. Девочка-то оказалась с сюрпризом.

Вот что, как выяснилось, нужно, чтобы мой любвеобильный дружище запомнил имя девушки, – бортануть его с сексом.

– Да? И каким же?

– Она мне призналась, что согласилась тогда поехать со мной из-за тебя, – глаза Антохи загорелись особым ехидством. – Милая тихоня у нас не по мальчикам.

Я аж рисом подавилась, и ему пришлось хлопать меня по спине и отпаивать пивом.

– Серьезно? – просипела, отдышавшись. – А так и не скажешь!

Нет, я спокойно отношусь к любым человеческим предпочтениям в постели, если их мне никто навязывать не пробует, но Наденька и правда удивила.

– Провинциалки нынче не те уже, – заржала в голос.

– Представь, как я офигел. Стою такой перед ней красавец с членом наперевес, а она мне – я хочу Роксану.

– Же-е-есть! – У меня аж слезы брызнули, когда представила себе вытянувшуюся физию друга. – Так ты поэтому решил подкатывать ко мне снова. Типа вдруг переключусь на девочек, а такая корова нужна самому.

– Не смешно, Рокси, – нахмурился он. – Я реально за тебя переживаю. И вообще… Ты меня знаешь, как облупленного, я тебя – вдоль и поперек, подумать если, мы и так пара.

– С открытым числом доппартнеров? – хмыкнула я, и отчего-то стало погано.

– Я это принимаю. А ты разве нет?

– Тебе честно? – Моя вечная злость на все и всех всколыхнулась без предупреждения. – Я – нет. Если я и позволю кому-то на полном серьезе втянуть меня в отношения, то они не будут основаны на терпимости к обоюдному бл*дству.

– Считаешь, у кого-то хватит сил и терпения обуздать твой характер? – Что это в голосе Антохи? Обида? – Неужто правда мечтаешь найти того, кто согнет тебя под себя?

– Нет, гнуться не буду.

– А что тогда?

– Будто я сама знаю что! Антох, я мы не можем просто пить и болтать о всякой незначимой херне, как всегда, а не вот это вот все?!

– Да запросто, – смирился он и достал из холодильника по новому пиву.

Ну вот и замечательно.

Глава 6

– Сучка крашеная! – Злющий Андрюха ввалился обратно ко мне, не прошло и полчаса после того, как он поскакал за хвостом погремушки. – Она что о себе возомнила? Совсем берега попутала, стервь охреневшая! Я, значит, свинья?

Он мне, конечно, друг, но отчего-то видеть его обломанным в подкатывании яиц к ядовитой соседке было до странного приятно.

– Это она тебя так приласкала? – усмехнулся, даже нарисовав мысленно себе эту картину маслом.

– Да! – рявкнул друг и грохнул об стол бутылкой с дорогим коньяком. – Прямо перед тем, как запрыгнуть на мотоцикл к какому-то чмошнику местному и укатить.

– На мотоцикл? Знакомый ее какой-то?

Мне тут еще тусни с гыркающими под двором движками этих камикадзе не хватало!

– Мне откуда знать! Но облапала его как родного. Аж бесит! Хотел догнать и руки-ноги переломать, но потом плюнул. Куда она от меня денется. Все равно домой же прискачет, и тут я с ней уже поговорю по-взрослому.

– Ты это о чем? – напрягся я.

Может, из нас двоих Андрюха и больше заточен под нормальное общение с людьми, чего я с некоторых пор на дух не перевариваю, но о его манере мало церемониться с девками я прекрасно знаю. Понятное дело, что с приличными женщинами ни я, ни он отношений давненько уже не имели. Мне в принципе это никуда не упиралось, а он к своим годам все считал себя не нагулявшимся. Голову он никому не морочил, но твердо был уверен: заплатил шлюхе, значит, пусть отрабатывает по полной.

– А то ты не понимаешь! Под меня ляжет, никуда не денется.

– Ничего не перепутал? Она тебе не девочка по вызову.

– Ой, да брось ты! Все они одинаковы. Прижми сначала покрепче, потом цацку подари, и все – твоя и рыпаться больше не станет. Думаю, я с ней надолго замучу. Пока всю не опробую.

– Не будешь ты ее прижимать, ясно? – Я сам не заметил, как перешел на рык.

– Это почему?

– Не будешь и все! Уж не пока она живет тут у меня за стенкой! Шалав тебе, на все за бабки согласных, что ли, мало?

– Чё бесишься, Яр? Я ее прижму, под себя подомну, а там уже и на продажу дома уболтаем.

– Я без тебя ее на это уболтаю. Не лезь!

– Я же тебе помочь хочу.

– Х*ю своему ты помочь хочешь!

– Да чего взвился, псих? Тебе-то до нее какое дело?

– Я, по-твоему, мразь какая-то последняя, чтобы знать, что ты под моим носом девку прессуешь и под себя гнешь, и терпеть это?

– Да что там терпеть?! Сдурел ты прямо.

– Это ты сдурел! Забыл, кто у нее отец?

Ага, тот самый, что только что в телефонном разговоре, считай, с незнамо кем в открытую заявил, что я могу с его дочуркой делать что вздумается.

– Не забыл. Но и мозгами у меня было время пошевелить над инфой. Новая жена, сынок новорожденный, и дочка от первого брака – оторви и выбрось, что внезапно съезжает из роскошной хаты в центре на окраину в дом бабки, с которой не зналась раньше. Вывод: они с паханом разосрались в хлам. Так что мне не препятствие.

Хитрый мудак! Мозгами он шевелил!

– То есть ты думаешь, что, если она прибежит к папеньке вся в соплях с рассказом, что ты ее принудил спать с тобой, он на это забьет?

Забьет. Вот чую, что так и будет, но Боеву этого знать не обязательно.

– Да никуда она не прибежит. Я ее так оприходую, что жаловаться будет не на что.

Перед глазами полыхнуло от видения изогнутого дугой в экстазе девичьего тела под нависающей здоровенной тушей Андрюхи. Тонкие пальцы, побелевшие от усилия вогнать в его спину ногти в момент сексуального безумия. Его чертов член с пошлым, влажным хлюпаньем таранящий покорную вторжению плоть снова, и снова, и снова…

– Ты. Ее. Не. Тронешь! – грохнул я стаканом об стол, раскалывая тот и разливая коньяк.

– Ты с дуба рухнул, Яр? – шарахнулся от меня друг. – Совсем уже озверел?

– Ты меня слышал. Девку не трогаешь.

– Да поче… А-а-а, вот дурак, не усек. У тебя самого на нее стоит будь здоров, да? Ну так бы и сказал.

– Ерунды не городи!

– Да какая там ерунда. Теперь-то я вижу.

– Дебил. Что ты там видеть можешь?

– А то и вижу, что погремушка тебя зацепила на раз. Но знаешь что? Тебе от нее надо держаться еще дальше, чем мне. Ты ведь реально псих. Доведет, опомниться не успеешь, и дел похуже меня наворотишь.

– Я тебе сказал: все, чего я от нее хочу, – это чтобы свалила отсюда. Все!

– Угу. – Андрюха надулся и сидел с полминуты так, зыркая на меня из-под светлых бровей, но потом сдулся. – А поехали все же в баню, а?

– А ничего, что сегодня рабочий день? – огрызнулся я.

– Я забью, и ты забей. Колька сам справится, ничего же срочного пока. А тебе вот край надо пар спустить.

– Я тебе, что, чайник?

– Нет, ты у нас объект повышенной взрывоопасности. Не хватало еще, чтобы ты в офисе на всех бросаться начал, особенно на клиентов. Или на стакан опять присел.

– А не ты ли сейчас бутылку со сранья припер?

Последний глубочайший запой, едва не сожравший остатки моих мозгов и не угробивший печень, случился два года назад. В день, когда я узнал, что Людка вышла замуж. Беременной. Сто раз зарекшись лазить по ее странице в соцсети и державшийся почти полгода, за каким-то чертом глянул на новое фото. Она рядом с Егором, в бледно-розовом платье, сияющая счастливой улыбкой, с букетом в руке и заметно округлившимся животом, вид которого врезал мне под дых. Да так, что снова пришел я нормально в себя прикованным к собственной кровати наручниками, с иглой от капельницы в вене. Андрюха дрых неподалеку в кресле, перепуганная насмерть медсестричка лупала на меня жалобно глазами, словно ожидая чего-то ужасного. Потом уж выяснил, что куролесил неделю хрен знает по каким притонам, и Боев нашел меня благодаря звонку наших прежних приятелей из ментовки. Они приехали по вызову по факту массовой драки в одной из бомжатен, а там я во всей красе: вонючий, пьянючий, заросший и с невесть откуда взявшимся одноухим котом. Домой возвращаться наотрез отказывался, вот и пришлось ему сначала меня вырубить, а потом пристегнуть, как буйного психа, к койке, чтобы вывести из запоя.

– Я себе припер. С горя тяпнуть, для успокоения нервов.

– Ну вот забирай и вали, – кивнул я в сторону двери, собирая тряпкой осколки и вытирая коньячную лужицу.

По приезде на работу выяснилось, что и правда сегодня мне там заняться нечем. Единственное применение, какое себе нашел, – отбивание трех новичков, которых мы брали тельниками в штат. Один оказался вообще ниочемошным, хотя, судя по анкете, только в ВДВ отслужил и до армии единоборствами занимался. Всего раз пропустив от меня удар по печени, завалился на пол и стал подвывать, как баба, ей-богу!

– Ты бы потише, Яр, – прошипел мне Андрюха, пока я вытирал пот, брезгливо морщась от скулежа соискателя. – Мы так-то тестируем тут народ, а не угробить пытаемся.

– Мы лучших выбираем, а не шушеру ссыкливую, – отмахнулся я. – Давайте этих сразу обоих.

Если и они такие же неженки и нытики, то сегодня мы штат не пополним. С такими я работать ни за что не стану. Но с остальными парнями я погорячился, за что и схлопотал от одного по скуле, а второй умудрился даже меня с ног сбить, навязывая борьбу в партере. Это он зря. Уже через минуту хрипел под моей тушей и хлопал по мату, прося о прекращении поединка.

– Берем обоих, – сказал я Боеву и пошел в душ.

Подкатив вечером к дому, чуть руль не сломал, увидев какого-то одетого в кожу дрыща, что стоял, небрежно привалившись к своему двухколесному тарантасу, прямо напротив моих ворот. Я его точно видел раньше на районе, и не одного, а обычно с кучей таких же мнящих себя крутыми друзей. Носились тут периодически на этих понтовых дырчиках, оглушая бедных пенсионеров и пугая собак с котами. Идиоты. Так и хотелось переловить и головы пооткручивать, да все как-то недосуг. А тут, вы посмотрите, сам он в руки плывет, карась, мать его, недоделанный! Выходит, моя погремушка с этим утырком сегодня укатила, нежно обнимаясь?

Заметив меня, вываливающегося из тачки с наверняка кровожадным оскалом на морде, шустрила выпрямился, вытягиваясь в струну, и острый кадык его часто задергался. Чуешь, сученыш, как эпичный п*здец сгущается над твоей тупой башкой?

– Здравствуйте! – рванул он с места первым мне навстречу, протягивая тощую культяпку для рукопожатия. Ой, зря.

– Чего надо? – зарычал я, сжимая его кисть. Не так чтобы сразу сильно, но с лица он мигом сбледнул, и на лбу пот выступил.

– Я… Я к Роксане… В смысле, мы договаривались. А вы ее отец? – затараторил он, дергая руку из моего захвата, но где уж ему.

– Кто? – наклонился я к нему ближе.

– Дядя?

Тетя, бл*дь! Гребаная дуэнья, которая открутит мигом все причиндалы таким вот шустрым, как ты.

– Значит так, – произнес я прямо ему в лицо, на котором бледность быстро стала сменяться красными пятнами, пота стало гораздо больше, рот перекосило, а блымкалки начали лезть на лоб. А я всего-то чуть посильнее грабельку его поприжал. – Слушай внимательно, повторять не приучен. Ты чтобы к Роксане и на пушечный выстрел не подходил. Ясно?

Герой-ухажер что-то там невнятно булькнул, начиная уже оседать у моих ног. Слабак. Куда тебе на такую ядовитую заразу-то замахиваться? Хоть бы… ну не знаю, лбом мне в переносицу впорол, пнул там. Неэффективно, но хоть зауважал бы тебя.

– И чтобы этих ваших заездов больше не слышал, понятно? Иначе выслежу где и пошмаляю всех к херам. Пшёл отсюда!

Я отпустил уже совсем стекшего парня и направился открывать ворота. Сзади зарычал движок мотоцикла.

– Ты меня не напугал! – выкрикнул смельчак мне в спину.

– А мы внезапно уже на «ты»? – фыркнул я через плечо.

– Роксана сказала, что будет со мной встречаться! – Ах, сказала она. Ну-ну. – И кем бы ты… вы… ей не приходились…

– Муж, – рявкнул я. – Как тебе муж? Или любовник постоянный.

Эту вытянувшуюся рожу надо было видеть. Ни сказав больше ни слова, отважный рыцарь дорог укатил на хрен.

Глава 7

Проснулась я с тяжелой головой и взывающим о пощаде мочевым. Сползла с надувного матраса, раскачав недовольно забурчавшего Длинного. Он перевернулся на спину, покрывало сползло, наглядно продемонстрировав мне наличие у него здорового утреннего стояка. Вот гаденыш, все же залез вчера под одеяло без трусов. Приставать, правда, и не пытался, значит, мы все прояснили в наших взаимоотношениях по-трезвому и этого ему хватило. Ну или забил до следующего озарения его разума дурацкой идеей, что мы вместе – это вроде как круто. Не круто, не-а.

Сварив кофе, я принялась его будить, но по-хорошему он просыпаться не желал.

– Вставай, встава-а-ай! Нам надо хоть немного дикцией позаниматься! – Я принялась прыгать на матрасе со своей стороны, и, как Антоха ни натягивал на мордень подушку, все равно в итоге свалился на пол и только после этого, брюзжа, как старпер, поплелся в ванную.

Позавтракали мы вчерашней дубовой пиццей и остатками роллов и пару часов таки читали тексты и выполняли найденные в интернете упражнения. Но дальше Длинный забастовал.

– Все, с меня хорош. Я досыпать.

– Тогда я домой.

– За вещами? – тут же насторожился он. – Тогда погоди чуток, в голове совсем прояснится, и я тебя свожу.

– Антох… ну, блин, нах нам портить нашу дружбу совместным проживанием? Бытовая херня – самая рассирающая людей вещь в мире, ты в курсе? И по большой любви люди ни фига не уживаются, а уж мы…

– Ясно, – кивнул он, отворачиваясь. – Дверь захлопнешь.

Да что же такое? Нормально же все было! И с чего вдруг? На душе стало как-то муторно, и, догнав его, я обхватила сзади вокруг торса и чмокнула в щеку. При этом саму аж передернуло. Все эти нежности вообще не мое.

– Длинный, ты для меня один такой. В курсе?

– В курсе, – вздохнул он, и мне полегчало. Ему, похоже, тоже.

Добиралась я с двумя пересадками, воткнув наушники и придремывая, приоткрывая время от времени глаза, чтобы не пропустить нужную остановку. Хорошо хоть час пик прошел и нашлось сидячее место. А то как-то так, стоя в душной толпе, было бы по-жесткому в новую жизнь вливаться. А ведь сколько людей вот так всегда. Еще и от остановки пришлось топать прилично. После вчерашних возлияний оно как-то не слишком в кайф. Дошла я до дома изрядно запыхавшись. Открыв калитку, подозрительно осмотрелась. Во дворе бешеного гризли было не видать, но дверь в его половину настежь, на дорожке стоит бэха. На этот раз черная. Они что, с лысым номер два совсем хотят ничем не различаться? Двое из ларца, одинаковых с лица, блин. В общей тишине мое внимание привлекли странные звуки. Ритмичное глухое бум-бум-бум доносилось откуда-то из-за дома. Вот не пофиг бы мне, но любопытство, как известно, кошку сгубило. Медленно, крадучись, пошла обходить нашу халупу. Повернув за угол, даже примерзла к месту, с непогашенной сигой в руке.

Гризли молотил по обнаруженной мною в первый день груше руками и ногами поочередно, заставляя эту здоровенную дуру летать, как пуховую легкую подушку. Но не это было самым поразительным. В момент нашего достопамятного столкновения он был одет в строгий костюм, с болтавшимся на бычьей шее ослабленным галстуком, и показался мне по меньшей мере грузным. Сейчас же, увидев его в одних только черных спортивках, с обнаженным торсом,

я осознала, что ни черта он не жирный. Громадный, ну реально как медведина, но весь слепленный из одних только мускулов. На мой вкус было их прям до хрена, но сейчас, когда я наблюдала за его движениями, то становилось понятно, что это вам не какой-то качок – неподвижное полено, что и в бок-то может повернуться исключительно всем корпусом. Видала я таких достаточно, ходят вечно как с палкой в заднице и будто под мышками по книжке носят. А вот гризли мой обладал подвижностью опасной хищной зверюги. Не зря же говорят, что медведь пострашнее любого тигра или льва будет. По виду – увалень, но если атакует, ты труп. И вот с этим монстрилой я умудрилась перелаяться. Ну что тут скажешь? Я – это я.

Уже хотела незаметно смыться, как в спину подул ветерок и, очевидно, донес до соседского обоняния запах сигаретного дыма. Он развернулся едва ли не в прыжке после фееричного удара ногой и молча пошел на меня. Очень захотелось ломануться прочь, но не позориться же в самом деле. Хотя что тут позорного, когда на тебя несется такая вот гора натренированных на чертово убийство мышц, а ты, бедолага такая, во поле тонкая березка стояла. Которую сейчас, похоже, точно найдется кому заломати.

– Явилась? – презрительно скривившись, спросил гризли, славатехосподи останавливаясь в паре шагов от меня. – Набл*довалась?

Охренел совсем?

– А тебя оно колышет? – Так, Роксана, не вякать надо, а отступать.

– Я тут живу, и шалава, что с утра снимает одного, а ночью кувыркается с другим, мне под боком не нужна. А то оглянуться не успеешь, а к тебе очереди будут стоять на обслуживание.

Вот скот!

– Ну так в чем проблема? Руки в ноги и съ*бывай от такого соседства! – заорала я, сжав кулаки.

– Я? Это ты отсюда свалишь! Прямо сейчас причем! – подступил психованный сосед ближе, прожигая меня своими злобнючими, глубоко посаженными зенками, цвета которых я все не могла рассмотреть. Да какая к чертям

разница! – Вали туда, где тебя драли всю ночь!

– А тебя, смотрю, аж подклинивает на том, как у меня все хорошо обстоит с личной жизнью, да? Что, с такой-то злобной рожей и гадским характером и не дает никто? Так ты за бабки попробуй. За них даже таким, как ты и твой дружок, может какая-нибудь плечевая потасканная дать. С закрытыми, сука, глазами!

– За бабки, говоришь? – Мгновение, и он оказался впритык, так что я с перепугу ударилась лопатками в стену позади. – А за какие бабки ты у нас даешь, а? За сто баксов отсосешь? Не-е-е, ты же у нас типа из хорошей семьи, да? Пятьсот, и ты становишься прямо тут на колени и исполняешь тот самый суперминет, который так рекламировала.

– Отвали от меня! – зашипела я, упираясь ладонями в его потную грудь, но он только подался еще ближе, уже откровенно зажимая меня.

– Что, уже не такая борзая? – Он упер локти в стену с обеих сторон от меня, создавая эффект западни, и тут я почувствовала весомую такую твердость, уткнувшуюся мне в живот. У него встал!

Дело, кажись, принимает совсем херовый оборот, особенно учитывая, что у меня, не пойми с чего болезненно потянуло в низу живота, а внутренние мышцы сжались в чем-то до отвратительно похожем на предвкушение.

– Я сказала – отвали от меня! – вскинув голову, рявкнула ему в лицо.

– Несет от тебя как от долбаной пепельницы, – неожиданно тихо сказал озабоченный медведина и вдруг провел по моей нижней губе с пирсингом большим пальцем. Ноздри его при этом задергались, а мое сердце забухало где-то в горле, и черта с два это было только от страха.

– А от тебя прямо розами прет, ага. Воняешь, будто из берлоги после спячки в полгода немытый вылез, – огрызнулась, отдергивая голову от его прикосновения. – Отвалил говорю! Хорош в меня своей кувалдой тыкать!

На самом деле он пах бесяще хорошо. Потом на разгоряченном теле, силой, мужчиной, что в состоянии взять все, что захочу дать, и даже потребовать

сверху. Он пах сексом. Таким, от которого долбанутую и неправильную меня торкало. Жестким, на грани насилия, причем обоюдного, где я обязательно окажусь побежденной, по-честному, но без пощады.

– Только попробуй сюда начать трахарей своих водить, – его голос упал до хриплого шепота.

Опустив голову, он провел носом от моего виска до скулы и обратно, обжигая кожу участившимся дыханием.

– Тебя забыла спросить. – Я чуть повернула голову, и наши рты очутились катастрофически близко.

– Дом мне все равно продашь. Никуда не денешься, – пробормотал гризли и откровенно вмялся в мой живот своим членом.

А меня реально повело от того, насколько остро вдруг стало ощущаться все. От еле уловимых, почти невесомых прикасаний к моему лицу, дразнящего мои проколотые соски ритма дыхания в прижимающейся ко мне широченной потной груди до грубого, до боли, давления основания его стояка, что из-за разницы в росте приходилось прямиком на мою лобковую кость, тогда как массивная головка пульсировала точненько у моего пупка. Ну тут боженька соседушку не обидел. И попрыгать во двор кто-то у нас ходит без белья.

– Обломаешься! – Зараза, какая же у него полная нижняя губа сейчас, когда не кривится и не скалится на меня. Аж внутри свело от желания сначала цапнуть его за нее, а потом обсосать, жалея. Хотя такому жалости не надо. Так и жди, что укусит в ответ. – Будешь и дальше лезть с этим ко мне – заяву напишу. Слышал про законы? Или в той пещере, из которой ты вылез, их еще не изобрели, дядя?

Мама дорогая, это надо остановить. Хоть как, но немедленно. Трахнуть соседа, даже для такой отбитоголовой, как я, – перебор.

– А ты никогда смолчать не можешь, да? – Он совсем чуть качнул бедрами, и мои ноги позорно ослабели. – Бесстрашная такая или со справкой?

Еще один плавный, но настойчивый толчок и выдох прямо в губы, и земля откровенно стала уходить у меня из-под ног, а в голове в такт разгоняющемуся до предельных значений пульсу забухало «хочу-хочу-возьму!».

– Отлипни от меня сказала, – зарычала в панике. – Лапы свои убери, гризли тупой!

– А у самой-то руки где?

Бл*дь! Я действительно вцепилась в его спину, подтягивая к себе, как желанную добычу. Отдернула ладони, как обжегшись, но тут он взял и лизнул штангу в моей нижней губе. Раз, другой, и стал медленно втягивать ее в рот, поглаживая по тонкой коже языком. Все, пипец тебе, Роксана.

Я резко выдохнула, вцепляясь обеими руками в его бритый затылок. Чему быть, как говорится, того не миновать. Потом трава не расти. Жила по такому принципу всегда, и сейчас пронесет.

– Мяф! – басовито прозвучало где-то справа и снизу.

Гризли вздрогнул всем телом и отшатнулся от меня. Вот теперь я увидела, какого цвета у него глаза. Темно-зеленые. А все потому что он вылупился на меня ошалело, а потом зыркнул под ноги.

– Да твою же мать! – прошипел он то ли своему оттопыривающему спортивки здоровенному хрену, то ли огромному уродливому серому коту.

Без одного уха, с бельмом, тот пялился сейчас исключительно на меня.

– Ну ты и страшилище, – брезгливо скривилась я. – Под стать своему хозяину.

– Ты! – ткнул в меня пальцем гризли, попятившись еще дальше. – Неделю тебе на раздумья, потом хочешь или нет, идем оформлять дом на меня. Ясно?

– Красно! – Я стремительно пошла подальше от него, сначала бочком вдоль стенки, а потом почти бегом. – Мечтать не вредно, дядя.

– И курить в доме и во дворе не смей! – донеслось мне в спину.

Глава 8

– Яри-и-ик! Больше не могу-у-у! – глухо провыла уткнувшаяся в простыню лицом Кристина. – Убьешь меня. Ходить завтра не смогу!

Я мотнул головой, стряхивая льющийся ручьем пот со лба, и завалился на бок, скрипя зубами от злости и бессилия. В башке грохотало, перед глазами черные пятна, яйца как в огне, а член стоит насмерть, как, сука, последний в жизни раз. Битый час я мочалил бедолагу Кристинку, и слова ей не сказав при встрече, но кончить не мог, хоть застрелись. Весь как под током, тело аж гудело, потряхивало всего, еще когда несся, забивая на светофоры, в эту сауну. Набросился на девку, как озверевший, толкнув ее на четвереньки. Но стоило только увидеть зажатые в своем кулаке рыжие пряди вместо черно-красного безобразия, и уже подступивший ближе некуда оргазм откатывал, оставляя меня безнадежно голодным и все более злым. И сколько бы я ни долбился в покорно изогнутое подо мной тело, ни хера не выходило, только сильнее становилось ощущение поганейшего на вкус разочарования.

– Уходи, – прохрипел Кристине и, поднявшись на трясущиеся ноги, сдернул с члена резинку и бухнулся в бассейн.

Зараза крашеная! Сучка языкатая! Как же она меня завела! Только запах сигареты ее почуял, и мне как по затылку камнем прилетело. Увидел ее, насмешливо пялящуюся на меня, и аж рвануло в мозгах. Дрянь наглая! Таскалась где-то всю ночь, вон физиономия заспанная и довольная, как у той *бливой кошки. Насношалась небось до одури. Пальцы прямо скрючивало от желания придушить. Придушить. Но вот за каким я ее зажимать-то полез! Ведь чуть не трахнул. За малым. Прямо у той стены. Спасибо Шреку, вовремя он меня в ум привел, пусть и не до конца, потому как, по всему выходит, мозгами я повредился. И не на шутку. До сих пор во рту вкус ее. Запах этот, что даже сигаретам было не забить, словно в носу застрял. Не вымыть его ни под душем, ни воняющей хлоркой водой из бассейна.

А ведь засранка крашеная была совсем не против. Я же не слепой. Дала бы мне. Дала как миленькая. Вон как цеплялась и сама не соображала, что начала об член тереться. Соски торчали сквозь майку. Меня от их твердости как насквозь прошивало. Воздух хватала, будто бежала всю дорогу. Огрызалась, но ведь дразнила меня откровенно, погремушка проклятая. Как же ты мне исхитрилась так в башку прицельно попасть? Чем там попадать-то вообще? Зенками наглыми кошачьими? Языком своим как бритва? Телом, что в мое вписалось у той стены, как кто нас друг под друга вылепил? Или этим грызущим с первого взгляда на тебя предчувствием катастрофы? Какого-то, мать его в качель, гигантского катаклизма, в который меня втянуло, и если и выживу, то прежним не буду?

– Ярик! – позвала меня Кристинка, о присутствии которой я уже и забыл, размашисто наматывая круги по бассейну, гоняя в мыслях картины, что прилипли там как густая смола – ничем не выведешь.

Как просовываю бедро между ног Роксаны, усаживая на него практически, и ловлю через тонкую ткань жар и влажность между ее ног, когда она будет ерзать. Как целую ее, остервенело, с нажимом, заставляя вжиматься затылком в стену, жестко удерживая пальцами за подбородок, чтобы ни отстраниться, ни отвернуться не могла, пока я нашариваю своим языком тот самый сто раз клятый пирсинг в ее. Как насаживаю ее на себя, натягиваю без жалости, как куклу, с размаху чтобы и по самый корень, пока она шипит свои гадости сквозь зубы и раздирает мне плечи…

– Яр! Я поговорить хочу! – снова позвала Кристина.

– Что? – добравшись до бортика, я оперся на него, выбираясь из воды. – Доплатить?

На самом деле нужно. Я над ней от души поизмогался. И вины девчонки нет в том, что не ей все это предназначалось и ни черта не вышло.

– Нет, я не о том.

Я обернул бедра простыней. Тошно и смотреть на упрямо торчащий хрен, будто конского возбудителя обожрался. Это же надо, в моем отнюдь не юном возрасте до такого докатиться? Стоит, как камень, днем и ночью подскакивает, и баба живая под боком – дери не хочу, вытрахивай эту дурь, но не-е-ет! Этому сраному

полену погремушку подавай!

– Я уходить буду… ну с панели. – Кристина подошла ко мне ближе и осторожно погладила по плечу. – Я же сюда учиться приехала… ну так уж вышло, жить-то надо было как-то.

Я молчал, глядя в стену, и ждал продолжения, в принципе уже зная, о чем речь пойдет.

– Ты мне очень понравился. Хорошо мне с тобой, а тебе вроде со мной. – Что-то сегодня я этого не заметил. – Давай нормально встречаться. Я тебе изменять не буду, ты вон какой, и так секса с тобой мне выше крыши. Я готовлю хорошо и хоз…

– Нет! – отрезал и пошел к мужикам за стол.

– Почему нет, Ярик? Я молодая, здоровая, слежу за собой. Слушаться тебя буду, слова против не скажу никогда. Ребеночка тебе рожу, нормально заживем. Почему не попробовать?

В черепушке бахнуло так, что меня даже плечом в стену повело.

– Потому что одной падкой на деньги шлюхи мне в этой жизни хватило.

«Ну что можно купить на твою ментовскую зарплату, Яр?! Это же слезы! А я жить хочу, нормально жить, а не с копейки на копейку перебиваться. Хочу вещи красивые носить, пока молодая. Хочу путешествовать! А не дома сидеть с ребенком этим, отказывая из-за него себе и в последнем».

– А на что мне было жить? Задаром никто меня не кормит! – Тон Кристины моментально из просящего стал злым.

– Шла бы тогда посуду мыть или улицы мести. На пожрать бы хватало.

– Ну и пошел ты! Кто на тебя такого бешеного еще поведется-то? С тобой и девки-то другие ни за какие деньги не хотят, а я тебе по-людски себя предложила!

– Предложение отклонено. Благодарю за щедрость, – фыркнул я, уже ее больше не жалея.

– Козел.

А вот погремушка меня «гризли» обзывала.

– Ну что, попустило? – встретил меня похабной ухмылкой Андрюха, бесстыдно лапая белобрысую шлюху.

Я молча налил полный стакан коньяка и хлопнул его как воду.

– Не попустило, – мигом помрачнев, заключил друг. – Ты что это, Кристюша, сноровку, что ли, теряешь?

– Да пошли вы! – огрызнулась девка.

– А ты не попутала ли ничего со мной так разговаривать? – тут же взвился Боев.

– Забей, – махнул я рукой. – Вызови мне тачку, вдатым за руль садиться не буду.

– Эй, Яр, ну ты чего? Кристинка облажалась, так вот, Светку возьми. – Он стал выпихивать блондинку из-за стола. – Давай, шевелись, порадуй хорошего человека.

– Домой я. Радуйтесь тут без меня.

На заднем сидении в такси меня догнал проглоченный, считай, на пустой желудок алкоголь. В голове зашумело, расслабляя хоть немного и тело, и звенящие нервы. Но все пошло насмарку, как только ввалился, слегка заплетаясь в ногах, во двор. Мало того, что у чертовой заразы опять орал дурниной рок, из открытой форточки дым валил, как из паровозной трубы, так еще и перед ее крыльцом стоял драндулет давешнего карася недобитого. Сверкал в свете уличного фонаря хромированными деталями, будто издевательски скалился мне в лицо. Ах ты ж, сучка оборзевшая! Я сейчас устрою и тебе, и этому твоему суициднику!

Подбежав к двери, я готов был ее просто расхреначить, но тут в мою пьяную башку проникла мыслишка получше. Евгения Титовна на последнем году своей жизни выдала мне ключи от своей половины. Пожилой человек, мало ли что. И где-то они у меня должны до сих пор валяться.

В свой дом вломился, ловя себя на том, что аж порыкиваю от предвкушения скорого возмездия за непослушание. Я тебе сейчас… сука, не знаю еще даже, что сделаю, но ты у меня пожалеешь, погремушка, и сильно.

Открыв соседскую дверь, я, ухмыляясь, как демон, вылезший прямиком из ада, пошел на слабый свет в гостиной. А войдя, замер истуканом, у которого котелок стремительно стал превращаться в готовый рвануть вулкан. Эта конченая дрянь крашеная, полуголая, в одной футболке и без штанов лежала под ерзающим на ней тощим утырком без рубашки и в спущенных наполовину с задницы джинсах. Прямо на моих глазах эта кошка блудливая схватила будущего самоубийцу за длинную челку, потянула, отстраняя от себя.

– Хорош лизаться, достала твоя прелюдия! – донеслось до меня сквозь орущий музон.

И вот с этого мгновения все смазалось в моем сознании. Оглушительный «бабах»! Оторвал и забросил в неизвестном направлении мою крышу и с ней остатки адекватности и цивилизованности.

Пинком я заткнул стоявший на полу музыкальный центр. Карась, нелепо взмахнув грабарками, с воплем полетел в стену, где и обмяк, притихнув. Погремушка успела взвиться на ноги на диване, заорав: «Какого хера!» Спрыгнула на пол, рванув к двери, но я перехватил ее, не дав сделать и шагу. Она укусила меня за руку и пнула по голени босой ногой, сделав больно только себе. Я, сжав руку на ее горле, повалил обратно на диван, не замечая, как она отчаянно брыкается и колотит меня, куда придется, кулаками. Навалился сверху, сжав тонкую шею чуть сильнее, и, на последних остатках самоконтроля остановив себя, уставился в лицо этой дряни. Но вместо испуга увидел в наглых кошачьих глазах только ярость и вызов.

– Ну? – просипела она, вырубая этим все нормально-человеческое, оставляя во мне только удушливую зверскую похоть.

Не отпуская горла, разодрал ее трусы, рванул свою ширинку, приподнявшись. С неожиданной силой Роксана внезапно взбрыкнула подо мной и скинула с себя, воспользовавшись тем, что я как раз неуклюже балансировал, расчехляясь. Я грохнулся на бок на пол, на лету ухватив ее за одну лодыжку. Она смачно лягнула меня пяткой свободной ноги в переносицу, пуская кровь, но я пальцев не разжал и дернул ее на себя, валя на живот рядом с собой.

– Пошел на хер, урод! – злобно зашипела она, когда я перекатился на нее, но при этом выгнулась, подставляясь.

– Какая же ты дрянь невыносимая! – зарычал, уткнувшись головкой в скользкую обжигающую тесноту. – Для него потекла, да? А вот трахну тебя я!

– Хорош п*здеть! – презрительно просипела она под моим весом и вцепилась зубами в ладонь, оказавшуюся у ее лица, одновременно опять подаваясь бедрами назад и впуская меня на самую малость.

Захлебнувшись воздухом, я стал вгонять себя рваными толчками в ее тело. Туго, хоть криком ори от этой тесноты, и будто и этого мало, так ее внутренние мышцы как взбесились, сжимая мой член с такой силой, словно собирались его перемолоть. Кайф! Такой, что я заревел, не в состоянии стерпеть это оглушительное ощущение молча.

– Ну! Еще! – приказала погремушка, вгоняя ногти мне в бедро. – Еще-е-е!

Оргазмом нас снесло всего-то через какой-то десяток толчков. Одновременно. Ее на секунду раньше меня. Сжав зубы еще сильнее на моей руке, Роксана содрогалась всем телом, перекинув эту разносящую на части дрожь и на меня. И она еще не затухла, когда злобная засранка повернула голову, с ненавистью глянув на меня через плечо, и велела:

– А теперь слез с меня и свалил отсюда на х*й!

Глава 9

Ублюдочный гризли не слишком-то торопился сползать с меня, и я со злостью двинула ему в бок локтем, поторапливая, хотя у самой вряд ли сейчас хватило бы сил подняться. А вот анализировать факт нашего спонтанного жесткого секс-столкновения и пробовать не буду. Хотя бы потому, что было в этой жесткости что-то неправильное. В том, что грубые рывки его во мне сопровождали невесомые прикосновения губ к моим щеке и затылку. А прорычав мне «дрянь», он мгновенно сорвался на задыхающийся шепот, едва слышный, в котором сквозь сплошную пелену хлещущего по моему разуму запредельного возбуждения расслышала «девочка моя», «погремушка сладкая». Обломайся, не девочка давно и уж точно не сладкая. Об такую конфетку язык свой в кровь порежешь.

Комар, так и лежавший поломанной тряпичной куклой у стены, застонал, дернувшись, и только тогда горячая тяжесть свалилась с меня. Его до конца еще не опавший член с пошлым хлюпаньем выскользнул из меня, между ног стало мокро и противно. Вот скот, он меня еще и неупакованным трахнул? Хотя куда уж там было. Сама ему и шанса на это не оставила.

Даже не заморачиваясь застегнуть ширинку, псих сосед схватил с пола куртку и рубашку моего неудавшегося любовника в одну руку, другой вздернул парня за волосы с пола и потащил к выходу.

– Я тебе, бл*дь, не ясно сказал рядом с ней не появляться? – сопровождал он это действо по выдворению вопросом на удивление спокойным тоном. – Еще раз увижу – потеряешься навсегда.

Прогрохотало по ступенькам крыльца, и входная дверь захлопнулась. Я, морщась от легкого жжения внутри и болезненности в мышцах, села, привалившись к дивану и раздвинув широко липкие от спермы бедра.

Вспыхнул верхний свет, и в комнату вернулся спровоцированный мною секс-агрессор. Уж в том, что я привела Комара, чтобы целенаправленно его выбесить, я себе отчет прекрасно отдавала. Ожидала ли я такой его реакции? Скорее нет, хотя, если бы пошевелила мозгами после утренних зажимательств у стены, могла и предугадать. И если бы хотела избежать таких последствий, то не звала бы почти ни за что пострадавшего парня к себе. Хотя он сам нарвался тоже.

Обнаружив, после того, как медведина укатил на своей бэхе в неизвестном направлении, что у меня всего-то пара сигарет осталась, я злорадно ухмыльнулась, вспомнив его «Не смей курить!», и поперлась в ближайший ларек за куревом. Вот на обратной дороге и столкнулась с налетевшими стаей Комаром с дружками. Он что-то там начал мне задвигать про динамо и мужа с любовником. Такая я сякая, сука неверная, гулящая и все такое. Я аж чуть не заржала ему в лицо, послав с его детскими предъявами. Но осознав, что это мой соседушка, оказывается, назвался моим мужем и стращал Комара, велев держаться подальше, сразу решила, что просто так это спускать нельзя. Мало того что эта вражина злобная на меня кидается, так он еще и народ вокруг меня будет распугивать. Сегодня Комара, на которого мне тупо пофиг, а завтра что, на Длинного попрет буром, и я буду вынуждена в собственном доме жить, как в осажденном, бля, замке? Да не охренел ли ты в корень, гризли тупой?

В общем, театральные подмостки по мне обрыдались, с таким я надрывом и мощным посылом преподнесла «правду» о моей нелегкой судьбинушке лопуху Комару и его толпе малолетних недобайкеров. Жестокий деспотина, супостат и насильник держит меня в секс-рабстве, жизни не дает, измывается над беззащитной сироткой, и некому, ой некому прикрыть меня, бедолажечку, от его посягательств. А вот если бы было кому, то я бы с Комаром аж бегом встречаться стала.

Подленько и ни грамма истины? Да плевать мне. Зато вставший на мою защиту весь из себя герой-спаситель обиженной девы Комар наверняка доведет психа соседа до нервного тика. А мне что ни гадость ему, то все на сердце радость. А подручные средства, они же расходный материал… да кому до них дело есть? Уж не мне точно.

Вот только финал сей трагикомедии что-то вышел совсем не в моем вкусе. Нет, как раз настолько в моем вкусе, что теперь сколько рот и мозг ни полощи, от него не избавишься.

Мой незваный гость пересек комнату и присел на корточки передо мной. Нахмурившись так, что весь лоб пошел складками, он уставился мне между ног.

– Не порвал?

Ой, ну мать его ети, мы теперь забеспокоились! А когда заваливал да в пол вколачивал, что-то не переживал.

Наклонившись вперед, я уставилась ему прямо в глаза.

– У тебя что, возрастные проблемы со слухом уже? Я тебе сказала – пошел на хрен отсюда!

Хоть бы один мускул на морде, кирпича просящей, дрогнул. Руку мне протянул и поднялся.

– Пойдем в душ свожу.

– А над горшком не подержишь?

– Слушай… – Он опять присел и осторожно коснулся моего колена. – Ну раз уж такая херня вышла… ну давай попробуем обсудить это по-людски.

Все ничего, но это его прикосновение… бережное, что ли, вдруг ужалило меня, будто было укусом какой-то ядовитой гадины, и, мгновенно полыхнув от ярости, я его что есть силы пнула пяткой в колено и зашипела от пронзительной боли.

– Отвали от меня! Вон пошел!

– Роксана…

Я взвилась с места, шаря вокруг глазами. Схватила пустую пивную бутылку и развернувшись, замахнулась на него.

– Пошел! Вон!

– Не дури, ненормальная! – повысил он на меня голос и не собираясь, похоже, отступать. – Успокоилась, сказал! Никуда я не пойду до завтра!

– Я ментов сейчас вызову, и еще как пойдешь.

– Вызывай, время зря потратишь – они все там мои друзья-знакомые.

– А, то есть хочешь сказать, что заяву об изнасиловании твои кореша у меня тоже не примут?

– А я тебя насиловал? Реально? Ты от этого кончила?

– Я тебя не приглашала и переспать со мной не предлагала. Так что по факту – изнасилование.

– По факту – секс по сомнительному согласию.

– Х*й тебе, а не согласие!

– Завязывай ругаться и хамить мне!

– А ты свали из моего дома, и не будет ни того, ни другого.

– Нет. – Его внезапный выпад я даже заметить не успела, но спустя мгновение была скручена и прижата к его медвежьей груди.

Бутылка упала на пол, разбиваясь, меня же больной на голову сосед поволок в душ. Открутил воду, сунул сначала под холодную, пока я орала, крыла его по-всякому и отплевывалась. Добавил теплой, содрал с меня футболку, встал под душ со мной и продолжил держать там, пока я не выдохлась. Невозмутимо наблюдал, как иссякает мой истерический припадок. Когда я уже только и могла, что рвано дышать, охрипнув и вымотавшись, закрутил краны и, сдернув с держателя полотенце, потрепал по волосам, лишь слегка промакивая их по сути, прошелся по всему телу, обсушивая, и повел на этот раз в спальню.

– К стене ложись, – кивнул на бабкину совсем не широкую полуторку и стал стягивать промокшую одежду с себя.

– Я с тобой спать не буду, гризли тупой, – попыталась я вяло взбрыкнуть.

– А я с тобой буду, Роксана. – Он надавил мне на плечи, заставляя сесть на матрас, передвинул, как плюшевую игрушку, к стене и вытянулся рядом,

заваливая меня и придавливая тяжеленными ручищей и бедром к месту. – И меня зовут Ярослав.

– Типа мне не по хрен, – огрызнулась, постаравшись спихнуть его с себя.

– Завязывай ругаться. Я серьезно. – Сдвинуть его не удалось и на сантиметр.

Из чего делают этих гадских гризли? Из кожаных мешков, набитых камнями?

– Или что?

– Ты и сама знаешь. – Он толкнулся в мое бедро твердеющим членом.

– О, ну надо же, ты меня прямо напугал! За сердечко не боишься? Я слышала, дядечкам за сорок беречься в этом смысле надо.

– Мне тридцать два.

– Вообще не интересно. Убери с меня свои… конечности. – Черт, у меня уже и обидных слов на него не находится. – Все причем.

Сосед приподнялся на локте и уставился мне в лицо. Но мало этого, он стал так же, как днем, обводить большим пальцем контур губ, задевая штангу.

– Почему это? Зачем ты постоянно нарываешься?

– Не твое медвежачье дело! – фыркнула и, не справившись с новым приливом злости, цапнула его за палец.

Вместо того чтобы отдернуть руку, Ярослав стремительно навалился на меня, проталкивая свой палец дальше между моих зубов, и погладил сталь в языке, сжав второй рукой мои волосы в кулаке.

– Хочу язык твой ядовитый, – пробормотал он. – Укусишь – трахну!

И принялся буквально пожирать мой рот, проталкивая свой язык в наглую к моему. Конечно я укусила. А как не смогла бы?

– Гадость такая! – прошипел гризли и стянул мои несчастные крашеные пряди еще сильнее, запрокидывая мне голову, открывая для себя горло.

Целовал кожу шеи, плеч легкими касаниями, беся меня этим, за что я и полоснула его ногтями по спине.

– Кончай с этим дерьмом сопливым! – рявкнула на него, отчаянно начав задыхаться, будто он этими своими проклятыми нежными поцелуями надел на меня огненный ошейник, что теперь душил нещадно. – Мужик ты или где? Сказал, трахну – ну так трахни. Хотя тоже мне трах – тридцать секунд и все дела. Старость не радость, преждевременная эякуляция и призрак импотенции на горизонте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherediy_galina/grizli

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить